

ваться переходным моментом, если только государственным театрам суждено возродиться. Они непременно возродятся, если воссоздано будет русское государство. Было бы слишком безотрадно не верить в это возрождение, в какую бы форму оно ни отлилось».⁶⁶

Для исследователя же этого «переходного момента» всегда будет представлять интерес личность Батюшкова, администратора-идеалиста, оказавшегося во главе государственных театров в роковой год русской истории.

⁶⁶ ИРЛИ. № 15623. Л. 1.

© В. В. Перхин

ОДЕССКИЕ ГАЗЕТЫ О СМЕРТИ Л. Н. АНДРЕЕВА

Л. Н. Андреев умер 12 сентября 1919 года. Многие русские газеты писали об этом событии. Большинство откликов учтено в книге «Леонид Николаевич Андреев: Библиография».¹ Некоторые в указанное издание не попали. Например, некролог, написанный А. Т. Аверченко для ростовской газеты,² или произведение молодого К. А. Фебина в «Сызранском коммунаре».³ Это относится и к публикациям Д. Н. Овсяннико-Куликовского и Л. П. Гроссмана в одесской прессе.

В городе, контролируемом антибольшевистскими силами, выходило более десяти газет.⁴ О смерти Андреева появились в основном информационные заметки. Некрологические статьи поместили газеты «Южное слово» и «Современное слово».

Выдающийся теоретик и историк литературы Овсяннико-Куликовский сначала редактировал газету «Южное слово», созданную в августе 1919 года по инициативе командования Вооруженными силами на Юге России. В октябре он вынужден был уступить редакционное лидерство «академикам И. А. Бунину, Н. П. Кондакову», как указано в подзаголовке газеты «Южное слово». Под редакцией академика Овсяннико-Куликовского стала выходить новая газета «Современное слово». Одновременно он много печатался как публицист, его мысли интересны и в наше время.⁵

В дореволюционные годы Овсяннико-Куликовский неоднократно писал о произведениях Андреева. Однако отклик на смерть писателя⁶ имел не только литературно-критический или историко-литературный, но и политический смысл. В нем дан краткий очерк творчества Андреева, обрاملенный сообщением о большевистском обстреле дома писателя. Эта весть не подвергалась сомнению. На самом деле по дому Андреева никто не стрелял. Из дневника писателя ясно, что 22 мая он наблюдал оружейную стрельбу с «большевистского крейсера»; она велась в стороне от его дома. 13 июня Андреев просто любовался «стрельбой с кронштадтских бата-

¹ Леонид Николаевич Андреев: Библиография. М., 1998. Вып. 2. Литература (1900—1919) / Сост. В. Н. Чуваков. С. 538—548.

² Аверченко А. Леонид Андреев // Юг. 1919. 17 сент. С. 2. Перепечатано в кн.: Перхин В. В. «Открывать красоты и недостатки...» Литературная критика от рецензии до некролога. Серебряный век. СПб., 2001. С. 203. К сожалению, этот образец жанра пока не включается в собрания сочинений писателя и не упомянут в обстоятельном обзоре его работы в газете «Юг» (см.: Николаев Д. Д. Король в изгнании (Жизнь и творчество А. Т. Аверченко в белом Крыму и в эмиграции) // Аверченко А. Т. Соч.: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текстов и комм. Д. Д. Николаева. М., 1999. Т. 1. С. 21—29).

³ См.: Перхин В. В. О газетных статьях Д. Н. Овсяннико-Куликовского и К. А. Фебина 1919 года // Фебинские чтения. Саратов, 2010. Вып. 4: Творческая биография писателя в контексте эпохи / Под ред. Л. Е. Герасимовой. С. 45—57.

⁴ Несоветские газеты (1918—1922 гг.). Каталог собрания Российской национальной библиотеки / Науч. ред. Г. В. Михеева. СПб., 2003. С. 144.

⁵ См.: Перхин В. В. Из цикла статей Д. Н. Овсяннико-Куликовского «Мысли вслух» (1919) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2010. Т. 69. № 5. С. 46—53.

⁶ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Памяти большого писателя // Современное слово. 1919. 23 окт. С. 1.

рей» — «красивая и внушительная картина».⁷ Так было вплоть до сентября. По-настоящему его тревожили болезнь сердца, безденежье и успехи красных войск. Овсяннико-Куликовский использовал версию об «обстреле» с антибольшевистской целью, жанр некролога стал средством политической борьбы.

Вместе с тем заметно, что для автора было не менее важно сказать об имевшейся у него надежде на возрождение в Андрееве художника, способного прочувствовать «„книгу бытия” новой великой России, оздоравливающую душу воскресающей нации».⁸

В газете «Южное слово» появилось два отклика на смерть писателя.⁹ Их написал молодой историк литературы Л. П. Гроссман. В начале 1910-х годов он печатался в журнале «Русская мысль» под редакцией П. Б. Струве и у Овсяннико-Куликовского в «Вестнике Европы».

В одесских газетах Гроссман помещал публикации из наследия Ф. М. Достоевского, литературно-критические статьи и публицистику. Она показывает не только его политическое единомыслие с редактором (поддержка Добровольческой армии), но и влияние веховской философии.

Вероятно, Гроссман был единственным, кто отметил юбилей сборника «Вехи». Он утверждал, что «Вехи» наряду с гоголевской перепиской и «Дневником писателя» Ф. М. Достоевского «дороги нам своей мучительной тревогой за Россию. И, может быть, в глубоком страдании и острой боли этого встревоженного патриотизма — вернейший залог отечественного возрождения».¹⁰

В статье о новом русском гимне публицист надеялся на появление «подлинного поэтического стиля русского ренессанса», считал его условием создания «гимна будущей великой России».¹¹ В другом выступлении Гроссман убеждал читателей газеты в том, что «подлинный путь к обновлению и возрождению лежит через культуру личности». «В наши дни, — заключал он, — эта забота вырастает в значительный и роковой вопрос о дальнейшем существовании России как самобытной духовной значительной величины. Если наше многострадальное поколение не сумеет собрать своих духовных сил и поддастся разрушительному действию мрачайшего безвременья, хронически оборвутся все традиции, все предания и заповедные устремления, которыми жила страна и определялась великая нация».¹²

В статьях об Андрееве литературовед сосредоточился на характеристике личности писателя, своеобразии творчества, на его портрете и мыслях. Оценка символизма «неореалистического» стиля автора «Анатэмы» явно не совпадала с мнением Овсяннико-Куликовского. Нет у Гроссмана и открытой политической тенденциозности. Но в финалах статей был скрытый намек на злобу дня. Завершающий абзац первой взят из четвертого действия пьесы «К звездам», запрещенной к постановке в России до 1917 года. Он включает отрывки, извлеченные из трех монологов героя — Сергея Николаевича Терновского, «русского ученого, уехавшего за границу, директора обсерватории».¹³ Завершение некролога в основном повторяет текст критика А. А. Измайлова, но была выпущена фраза «Умирают только

⁷ Андреев Л. Н. S. O. S.: Дневник (1914—1919); Письма (1917—1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918—1919) / Вступ. статья, сост. и прим. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб., 1994. С. 178, 181.

⁸ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Памяти большого писателя. С. 1.

⁹ Гроссман Л. П. 1) Леонид Андреев // Южное слово. 1919. 4 окт. С. 3; 2) Встречи с Андреевым // Там же. 14 окт. С. 2.

¹⁰ Гроссман Л. П. Десятилетие «Вех» // Там же. 6 сент. С. 2.

¹¹ Гроссман Л. П. Национальный гимн // Там же. 10 сент. С. 1.

¹² Гроссман Л. П. Личная культура и мобилизация духа // Современное слово. 1920. 7 февр. С. 3.

¹³ Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. М., 1990. Т. 2. Рассказы. Пьесы. 1904—1907. С. 370—371.

те, кто убивает».¹⁴ Она вызывала самые широкие ассоциации с событиями не только недавних «окаенных дней» в этом городе, но и с проявлениями белого террора. Отточие указывает на редакторское или цензурное вмешательство с целью исключить ассоциации с политической злободневностью. В конце второго отклика на смерть Андреева автор сожалеет, что не говорил с ним о политике и, как ясно, присоединяется к его политической позиции.

В автобиографии Гроссмана 1927 года ничего не говорится о публицистической деятельности в одесских газетах времен Гражданской войны. Умалчивают об этом и словарные статьи более позднего периода.¹⁵ Но только полное знание о взглядах и деятельности литературоведа в контексте эпохи позволит точнее понять некоторые черты его дальнейшей научной работы, например особенности подготовки двухтомного издания романа «Бесы» в 1935 году.

Как известно, осуществлявшееся по инициативе М. Горького в издательстве «Academia», оно было остановлено после выхода первого тома — газета «Правда» оперативно назвала его «литературной гнилью».¹⁶ Это определение относилось не только к роману Достоевского, но и к текстам Гроссмана — автора вступительной статьи и комментария к «Бесам». В этом споре имплицитно продолжалось столкновение двух непримиримых философских и политических течений, к которым в 1910-е годы принадлежали Гроссман и Заславский.

Поэт А. А. Биск, хорошо знавший Гроссмана по Одессе, писал, что иногда в Русском зарубежье с тревогой отмечали, что «кто-то „одернул” его в правительственной статье».¹⁷ И если действительно какие-то суждения исследователя как в 1930-е годы, так и позднее вызвали неприятие политических руководителей, то это, скорее всего, были отголоски мыслей и чувств человека, убежденного в правоте своих взглядов петербургского и одесского периодов публицистической деятельности.

Овсянко-Куликовский писал, что «великая русская литература есть родина души и животворный источник умственного и нравственного возрождения».¹⁸ После его смерти в 1920 году Гроссман несколько десятилетий говорил по сути о том же, а еще о «преданиях и заповедных устремлениях» и в антологии «От Некрасова до Есенина» (1927), и особенно в работах о Ф. М. Достоевском, И. С. Тургеневе и Н. С. Лескове.

Литературные материалы газет «Южное слово» и «Современное слово» представляют значительный научный интерес. Однако они малодоступны для исследователей: полные комплекты газет отсутствуют в крупнейших библиотеках, а многие из сохранившихся номеров существуют в одном или двух экземплярах. Ниже републикуются три текста об Андрееве, важные для изучения как биографии писателя, так и деятельности их авторов — видных русских литературоведов. Произведения приведены в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации.

¹⁴ *Измайлов А. А.* Литературный Олимп. Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб, Ясинский, Брюсов, Салиас, Соловьев. Характеристики, встречи, портреты, автографы. М., 1911. С. 238.

¹⁵ Ср.: Писатели современной эпохи: Библиографический словарь русских писателей XX века. Т. 1 / Под ред. Б. П. Козьмина. М., 1991. С. 103—104; *Белингов А. В.* Гроссман // Краткая литературная энциклопедия / Глав. ред. А. А. Сурков. М., 1964. Т. 2. Стлб. 399—400. Оставался темным этот этап деятельности и в биографии академика. См.: *Зыкова Г. В.* Овсянко-Куликовский // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1999. Т. 4. С. 380—382.

¹⁶ *Заславский Д.* Литературная гниль // Правда. 1935. 20 янв. С. 3.

¹⁷ *Биск А.* Молодые годы Леонида Гроссмана // Новое русское слово. 1966. 16 янв. С. 2.

¹⁸ *Перхин В. В.* Из цикла статей Д. Н. Овсянко-Куликовского «Мысли вслух» (1919). С. 51.

Л. П. Гроссман

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

Не решаешься под этим именем подписать зловещее слово «некролог». Хочешь верить до конца, что в нашу эпоху легендарных слухов¹ и последние сведения парижской газеты о смерти Леонида Андреева окажутся недостаточно проверенными.

И все же трудно победить в себе окончательно впечатления некоторого правдоподобия от полученного печального известия. Авторитетность крупнейшего французского органа,² слишком вероятные сведения о нервном потрясении нашего писателя — все это подрывает скептицизм первого впечатления от этого тягостного известия.

Если оно подтвердится, Россия потеряла одну из своих крупнейших литературных сил и — вне всякого сомнения — самого знаменитого из своих живущих писателей. Только имя Максима Горького по своей мировой популярности может в этом отношении поспорить с именем Андреева.

Слава пришла к нему быстро и бурно. Безвестный судебный хроникер московской газеты «Курьер» написал однажды пасхальный рассказ под странным именем «Баргамот и Гараська». Знатоки сразу почувствовали руку мастера. Горький спешно запросил редакцию, кто пишет под псевдонимом «Леонид Андреев». Вскоре Н. К. Михайловский поместил о новом таланте статью в «Русском богатстве».³ А затем русские журналы стали печатать наперерыв «Рассказ о Сергее Петровиче», «Жили-были», «В тумане», «Ложь», «Стену» и весь остальной цикл ранних рассказов Андреева, для многих сохранивших до сих пор значение его лучших произведений.

Заметный перелом в творчестве Андреева сказался в переходную эпоху русской жизни в годы 1904—1906. Талант его вызрел и развернулся в крупных вещах — в больших повестях и первых его драмах. Русско-японская война вызвала одну из сильнейших страниц всей тогдашней литературы «Красный смех». За эту повесть Андреев получил от знаменитой пацифистки Берты Зутнер⁴ портрет с благодарственной надписью.⁵ Развернувшаяся русская революция дала ему тему для «Рассказа о семи повешенных». Присутствовавшие на первом чтении шлиссельбуржцы Стародворский⁶ и Морозов,⁷ в свое время спасенные «смертники», были потрясены жуткой правдой этой вырванной из жизни страницы.

В эту эпоху сказался и поворот Андреева от традиционной манеры реалистического письма в сторону символизма, к которому он до конца сохранил симпатии. Ряд драм, написанных не без влияния Метерлинка — «Черные маски», «Жизнь человека», «Царь-голод» и друг(ие) знаменовали этот решительный перелом. Песимизм его ранних рассказов сгущался в безотрадную философию, и поиски смысла жизни, казалось, ударились в тупик.

В годы, следующие за революцией, творчество Андреева достигает своих вершин. Его «Иуда», «Тьма», «Савва», «Мои записки» вместе с упомянутым «Рассказом о семи повешенных» — по силе замысла и остроте письма — отличаются почти от всех произведений его раннего и позднейшего периодов. Это одновременно и апогей славы Андреева. В последние годы пред войной его приоритет явно падает. Даже успех его драм, впервые поставленных в Московском художественном театре, как «Анатэма» или «Катерина Ивановна», не возвращают его имени прежнего обаяния.

Немногие произведения Андреева, появившиеся во время войны, не вернули ему прежнего влияния. Ни «Король, закон и свобода», ни «Милые призраки» уже не были такими событиями для русского общества, как в свое время «Жизнь Василия Фивейского» или «Бездна». В 1917 г. Андреев, как и большинство русских пи-

сателей, умолк. Изредка только доносился до нас его публицистический отзвук на трагические события последних лет. Было ли это молчание творческим, накопил ли он наблюдения для новой фрески на тему «безумие и ужас», заговорит ли нам снова о «Красном смехе» и «Семи повешенных» или же действительно безмерный трагизм нашей эпохи подорвал нервные силы ее самого впечатлительного наблюдателя — вот мучительная проблема, возникающая для нас над сообщением французской газеты.

Если оно подтвердится, Россия к числу своих великих исторических потерь военно-революционной эпохи может прибавить еще одну. Пока же вместо некролога вспомним те слова астронома из старой андреевской драмы «К звездам», которые один известный немецкий режиссер,⁸ завещавший похоронить себя без обряда, просил своего друга-актера прочесть над его могилой:

— Как садовник, жизнь срезает лучшие цветы, но их благоуханием полна земля. Разве умер Джордано Бруно? Умирают только звери, у которых нет лица... Нет смерти для человека, нет смерти для сына вечности...

¹ В ту эпоху «легенды» возникали как в результате публикации «недостаточно проверенных» сообщений, так и из-за использования их в пропагандистских целях. Например, 20 сентября 1919 года «Одесское слово» сообщило о расстреле в Москве художника В. М. Васнецова. А. Н. Толстой в статье «Торжествующее искусство», напечатанной в парижской газете В. Л. Бурцева «Общее дело», объявил о расстреле В. В. Розанова в Троице-Сергиевой лавре. В ноябре ее воспроизвела одесская газета «Сын отечества» (см.: *Толстая Е. Д.* «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917—1923). М., 2006. С. 332—339, 657). Не гнушались такими сообщениями и на противоположной стороне. 16 октября «Сызранский коммунар» под редакцией К. А. Федина напечатал призыв помнить о расстреле «деникинцами» В. В. Вересаева.

² Речь идет о газете «Le Matin» (см.: [Б. л.] Последнее письмо Леонида Андреева // *Сын отечества*. 1919. 27 сент. С. 3).

³ См.: *Михайловский Н. К.* Литература и жизнь // *Русское богатство*. 1901. № 11. Отд. 2. С. 58—74.

⁴ При написании некролога Гроссман использовал сведения из работы А. А. Измайлова, который описал кабинет Андреева в квартире на Каменноостровском проспекте: «На этажерке стоял единственный с автографом портрет Берты Зуттнер, приславшей ему свою фотографию после появления „Красного смеха“» (*Измайлов А. А.* Литературный Олимп. Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб, Ясинский, Брюсов, Салиас, Соловьев. Характеристики, встречи, портреты, автографы. С. 286—287). Зуттнер Берта (1843—1914) — баронесса, австрийская писательница, деятель международного пацифистского движения, первая женщина-лауреат Нобелевской премии мира.

⁵ На портрете, по свидетельству современника, была дарственная надпись Б. Зуттнер: «„Леониду Андрееву с искренним восхищением. Август 1905“». И ниже: „Пусть громогласно/ Звучит везде: / Долой оружие! / Война нужде!“» (*Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеристики и суждения / Изд. подг. К. Азадовский. М., 2008. С. 499).

⁶ Стародворский Николай Петрович (1863—1918) — член организации «Народная воля». В 1872 году приговорен к бессрочной каторге. В 1908-м В. Л. Бурцев разоблачил его как платного агента полиции.

⁷ Морозов Николай Александрович (1854—1946) — писатель, революционный деятель, ученый. В 1881 году был приговорен к пожизненному заключению. Освобожден в 1905 году.

⁸ Имеется в виду Валлентин Рихард (?—1908) — немецкий актер и режиссер. В берлинском Малом театре в спектакле М. Рейнгардта по пьесе М. Горького «На дне» он играл Сатина (см.: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка // *Лит. наследство*. 1965. Т. 72. С. 515—516). В 1906 году поставил пьесу «К звездам» в венском обществе «Свободная народная сцена», которое имело социал-демократическую направленность (см.: Там же. С. 274—275). Пьеса «К звездам» шла и в берлинском Малом театре. В отличие от политизированной венской постановки берлинский спектакль имел более философскую направленность (см.: *Kienzl H. Leonid Andrejew: «Zu dem Stern»* (Kleines Theater) // *Kienzl H. Die Bühne ein Echo der Zeit* (1905—1907). Berlin, 1907. S. 152—155).

Л. П. Гроссман

ВСТРЕЧИ С АНДРЕЕВЫМ

Три года назад, осенью 1916 г. мне привелось по литературным и журнальным делам бывать у Леонида Андреева.

Взяв на себя редактирование литературного отдела в новой газете,¹ Андреев оставил свою дачу в Райволе² и поселился в Петербурге.

На этот раз он выбрал для жительства центральную часть. Квартира его помещалась в большом доме на углу Мойки и Марсова поля, и из окон его кабинета открывался вид на Екатерининский канал, на храм, воздвигнутый на месте смерти Александра II, и даже на правое крыло Казанского собора в отдалении Невского проспекта.³

При первой же встрече, увидев фигуру, знакомую по стольким портретам, я невольно залюбовался редкой красотой этого сильного и одухотворенного облика.⁴

Бледное лицо в рамке черных волос, лишь в немногих местах прорезанных белыми нитями, поражало сочетанием правильности, энергии и напряженной выразительности своих резких черт.

Портрет Серова,⁵ кажется, лучше всех передает задумчивую и несколько страдальческую прелесть этой прекрасной мужской головы.

В обращении с окружающими Андреев держал себя на редкость просто и благожелательно. В беседе его не было ничего патетического, в манерах ничего величественного. Человек, относящийся с вниманием и симпатией к своему новому собеседнику, словно стремящийся всячески забыть о своей славе и никого не подавлять ею — таков был общий тон разговора и манеры.

Письменный стол находился в глубине комнаты. У одного из окон стоял длинный, дубовый, почти пустой стол, напоминающий верстак. На нем небольшая электрическая лампа с особым металлическим абажуром, пишущая машинка и кипа приготовленных небольших листков чистой бумаги.

— Вот мой рабочий стол, — указывал Андреев. — Теперь я работаю почти исключительно ночью. Раньше приходилось с увлечением работать и днем. «Мысль», «Жизнь» Василия Фивейского», «Рассказ о семи повешенных» писались днем. Почерк у меня скверный, — как видите, пользуюсь машинкой. И считаю, что оно и в стилистическом отношении лучше. Какое-нибудь слабое, неудачное выражение в рукописи легко проскочить <так!> и прикроется почерком — а на машинке не простучишь его. Ляжет печатью на бумагу и станет нестерпимым для глаза. И помучаешься, и отыщешь то единственное настоящее слово, которое соответствует оттенку твоей мысли.

Андреев охотно говорил о методах своей работы.

— Я много учился писать. Всмотривался в приемы больших писателей. Спрашивал себя постоянно: как это сделано? Учился у них языку. Особенное значение имели для меня в эти годы ученичества Лев Толстой и Гаршин. У них я научился рассказывать и писать. Знаю, что моя манера совершенно иная, и все же — сколько я обязан им!

— Я учусь и у писателей-современников. Чехов раскрыл мне многое в нашем искусстве. Но достигнуть совершенства его живописи почти невозможно. Рядом с ним такой прекрасный художник, как Куприн, кажется тяжелым и неповоротливым. Он словно пишет на массивных, плотных оттенках и пишет прекрасно, но живопись его непроницаема, не прозрачна. Чехов же выводит свой рисунок на чистом стекле, — и я вижу все очертания, все краски его живописи, но за ней просвечивается небо...

— Каким в сущности несчастным был Чехов в жизни! Ему словно суждено не доходить до желанной цели, мириться с относительным. Он всю жизнь мечтал на-

писать роман, но остановился на повестях, а прославился маленькими рассказами. Он хотел жить в просторной русской усадьбе и поселился в своем тесном Мелихове. Он должен был жениться на Элеоноре Дузе...⁶ Но как-то во всем судьба фатально не доводила его до полного осуществления его желаний и примиряла с приблизительным... Большая, глубокая драма!

— Из ушедших русских писателей мне ближе всех Достоевский. Я считаю себя его прямым учеником и последователем. В душе его много темного, но какие прозрения!

И Андреев с жадным вниманием выслушивает все, что я могу сообщить ему о личности Достоевского, по рассказам его вдовы.⁷ Он с особенным вниманием выслушивает гневную отповедь Анны Григорьевны покойному Страхову за его знаменитое письмо к Толстому, в котором он утверждал об изнасиловании Достоевским малолетней.⁸

— Я этому не могу поверить! — воскликнул Андреев. — Объясню себе эту историю иначе. Достоевский мог сам себя оклеветать, мог возвести на себя отвратительный и ужасный поклеп, чтоб унижить презируемого собеседника, мог, наконец, в галлюцинации представить себе никогда не происходившую возмутительную сцену и поверить ей, и мучиться угрызениями... Но совершить такую низость он не мог.

В одно из моих посещений Андреева я прочел ему отрывки из неизвестных страниц Достоевского, в то время приготовляемых мною к печати.⁹ Его особенно заинтересовал замечательный отзыв Достоевского о пушкинских «Египетских ночах»¹⁰ и опыт его художественной критики об академической выставке.¹¹

— Этот отзыв о картинах обнаруживает в каждой строке великого художника. Заметьте, как он описывает арестантов на картине Якоби.¹² Один из них стаскивает перстень с пальца умершего товарища. И вы чувствуете, что эта деталь картины говорит Достоевскому бесконечно много, раскрывает ему целые миры человеческих отношений, обрывков жизни, чувств и страданий... Вы понимаете, что он мог бы сейчас написать целый рассказ «Перстень» — и какой жуткий, какой тяжелый и горестный рассказ! Это не критик пишет о картине, это художник, и каждый образ вызывает перед ним вереницы образов, и над каждой деталью здесь роятся и поднимаются целые сонмы явлений, обликов и предметов. Мне кажется, я сам бы сейчас написал рассказ «Перстень»...

Был ли написан этот рассказ, мне неизвестно. Но вскоре Андреев написал свою пьесу о Достоевском «Милые призраки». На премьере в Александринке,¹³ где пьеса имела успех у молодежи,¹⁴ Андреев, видимо, чувствовал себя глубоко удовлетворенным этим приемом. Но в личном разговоре он, казалось, признавал не полную удачу этого драматического опыта.

— Я написал эту пьесу чрезвычайно быстро — я задумал ее, записал и отделал в одну неделю. Мне кажется, в Москве, у Незлобина,¹⁵ она будет иметь больший успех, чем в Петербурге.

Через несколько дней я встретился с Андреевым в редакции. Только что была получена телеграмма о пожаре в Московском театре Незлобина.¹⁶

— Горят мои «Милые призраки»! — воскликнул Андреев.

Этому опыту литературной реставрации суждено было стать его последней пьесой.¹⁷ Мне ни разу не приходилось говорить с Андреевым на политические темы. Все наши встречи происходили до революции. Один только раз в его разговоре прозвучала патриотическая нотка, как бы предвещавшая тон опубликованного на днях посмертного письма его к Бурцеву.¹⁸

Речь зашла о Ромене Роллане.¹⁹ Андреев с необычайной резкостью заявил:

— Этот не наш! Не будем говорить о пораженцах.²⁰

¹ В 1916 году Андреев стал руководить отделом беллетристики, критики и театра в газете «Русская воля».

² Райвола — станция и поселок на линии Петербург—Выборг. С 1948 года носит название Рошино.

³ Андреев жил по адресу: Мойка, 1. На доме до сих пор нет мемориальной доски, как и на других зданиях, где проживал этот писатель (см.: *Кривулина О. А., Тычинин Б. Б.* Скульптура и скульпторы Санкт-Петербурга. 1703—2007. СПб., 2007).

⁴ Наиболее разностороннее представление о внешности Андреева дают фотографии. См.: *Photographs by A Russian Writer Leonid Andreyev. An undiscovered portrait of Pre-Revolutionary Russia / Ed. and intr. by R. Davies. New York, 1989.*

⁵ Серов Валентин Александрович (1865—1911) — русский живописец. Наиболее известен созданный им акварельный портрет Андреева, который в 1908 году воспроизводился в журнале «Золотое руно». См.: Валентин Серов. Живопись. Графика. Театрально-декорационное искусство / Сост. Д. С. Сарабьянов, Г. С. Арбузов. Л., 1982. № 162.

⁶ Дузе Элеонора (1858—1924) — итальянская актриса, в 1891—1892 годах гастролировала в России.

⁷ Достоевская Анна Григорьевна (1846—1918) — жена Достоевского с 1867 года. В 1925 году были изданы ее воспоминания со вступительной статьей Гроссмана.

⁸ Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — публицист, литературный критик. Речь идет о письме от 28 ноября 1883 года, в котором автор говорил о «животном сладострастии» Ф. М. Достоевского и о «пакостях», к которым «его тянуло». Описание «пакости», известной Страхову не от Достоевского, а с чужих слов, заменено в книге многоточием (см.: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914. С. 308). Ответ Толстого см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. / Под общей ред. В. Г. Черткова. Сер. 3. Письма. М.; Л., 1934. Т. 63. С. 142—143. См. также: Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки: [В 2 т.] / Под ред. А. А. Донскова. Ottawa, 2003. Т. 2. С. 652, 654, 655.

⁹ См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. СПб., 1918. Т. 22, 23 (Забытые и неизвестные страницы / Собрал и комм. Л. П. Гроссман). «Неизвестные страницы» Гроссман публиковал и в Одессе. См.: *Гроссман Л.* Из рукописей Достоевского. Из материалов к «Бесам» // Южное слово. 1919. 8 окт. С. 2.

¹⁰ Достоевский считал «Египетские ночи» «величайшим художественным произведением в русской литературе» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1979. Т. 19. С. 102).

¹¹ См.: *Достоевский Ф. М.* Выставка в Академии художеств за 1860—1861 год // Там же. С. 151—156.

¹² Якоби Валерий Иванович (1834—1902) — русский живописец.

¹³ Премьера «Милых призраков» в Александринском театре состоялась 6 февраля 1917 года.

¹⁴ Мнения критиков разошлись. Л. Я. Гуревич в газете «Речь» писала: «Андреев „взявшись за изображение великого человека“, представил его „не тонким и не чутким к человеческому страданию“». К. И. Арабагин в «Биржевых ведомостях» утверждал, что пьеса исполнена «бурлящей радости». В ней «все живы и убедительны», говорил А. Г. Горнфельд в журнале «Русское богатство» (отзывы цит. по: *Летопись литературных событий в России конца XIX—начала XX в. (1891—октябрь 1917)*. М., 2005. Вып. 3. 1911—октябрь 1917 / Под общ. ред. А. В. Лаврова; Ред.-сост. М. Г. Петрова. С. 529, 562). «Все образы пьесы ярки и выразительны», — сообщал Ю. В. Соболев в «Рампе и жизни» (1917. № 8. С. 7).

¹⁵ Незлобин Константин Николаевич (1857—1930) — русский антрепренер, режиссер, актер. В 1909 году создал в Москве театр, в котором шли и другие пьесы Андреева («Анфиса», «Не убий», «Черные маски», «Gaudeamus»).

¹⁶ Пожар возник 15 января 1917 года в 10 часов 20 минут на сцене перед началом репетиции в результате неисправности электропроводки. Декорации для спектакля «Милые призраки» еще не были готовы (см.: [Б. н.] Пожар театра К. Незлобина // *Рампа и жизнь*. 1917. 22 янв. С. 5—6).

¹⁷ Вероятно, Гроссман не знал, что в сборнике «Страда» (Пг., 1917, кн. 2-я), была напечатана пьеса Андреева «Реквием».

¹⁸ Бурцев Владимир Львович (1862—1942) — публицист, издатель газеты «Общее дело». Известно письмо Андреева Бурцеву от 9 сентября 1919 года (см.: *Андреев Л. Н.* 1) «Верните Россию!» / Сост. И. Г. Андреева. М., 1994. С. 221—224; 2) *S. O. S.* С. 329—332). В одесской газете «Сын отечества» был опубликован перевод письма, появившегося во французском издании газеты Бурцева «La sauze somptueuse». Оно гораздо короче и только отчасти перекликается с письмом от 9 сентября (в обоих говорится о плане поездки в США). Главная его тема другая: «Я хочу посвятить себя всецело антибольшевистской пропаганде в России и хочу придать ей национальный характер. Вы прекрасно знаете, какая огромная сила — пропаганда. Исключительно благодаря ей держатся до сих пор большевики. Я не стану излагать сейчас все подробности моего плана, скажу только, что я придаю огромное значение народному образованию не только теперь, но и в будущей возрожденной России, когда печати суждено будет сыграть роль миротворительницы» (Сын отечества. 1919. 27 сент. С. 3).

¹⁹ Роллан Ромен (1866—1944) — французский прозаик, драматург, музыковед.

²⁰ В годы Первой мировой войны Роллан выступал как активный антивоенный публицист. Статьи Андреева призывали вести войну с Германией до победного конца в единении с союзниками.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский

ПАМЯТИ БОЛЬШОГО ПИСАТЕЛЯ

Печальное известие подтвердилось:¹ Л. Н. Андреев скончался... Глубоко трагична эта смерть... Писатель умер от разрыва сердца при обстреле его дачи большевиками,² — он погиб накануне освобождения России от коммунистического ига и на знаменательном повороте своей творческой деятельности, которую отныне он хотел всецело посвятить борьбе с большевизмом. В последнем письме к Бурцеву³ он говорит, что, отдавая все силы своему делу, он имеет в виду придать ему национальный характер. Новое поприще открывалось перед ним, его грядущая литературная деятельность должна была стать подвигом и миссией. И нельзя сомневаться в том, что, исполняя эту миссию, он возвысился бы до тех вершин творчества, где большой художник превращается в великого писателя-гражданина.

Леонид Андреев был поэт милостью Божьей. В ряде рассказов первого периода его литературной деятельности проявился своеобразный дар лирически чувствовать и творчески изображать тоску души, жесткость бытия — в тонких психологических оттенках и в своеобразии восприятия, ему одному доступном. Чуткий поэт-психолог, обаятельный художник-лирик, он сразу стал рядом с Чеховым, — он дополнял его по-своему, — виртуозной вариацией слов человеческой печали, тайну которых он знал.

Но пришло время, — и в этой чудной поэтической организации что-то надломилось, — Л. Андреев круто свернул на другую дорогу: живые образы подлинного творчества, правдивого и проникновенного, сменились произведениями надуманными, вымученными, претенциозными («Жизнь человека», «Анатэма» и т. д.). Кажалось, писатель утратил дар творчества и усиливается отыграться на сочинительстве. Нельзя отрицать, что в этом сочинительстве было своеобразное мастерство, и в нем изредка, среди парадоксов замысла и фокусов исполнения, кое-где чувствовался прежний Андреев. Но в общем и целом это было печальное зрелище упадка оригинального дарования, так много обещавшего.

Прошло еще время, — настала мировая война, а вслед за нею разразилась революционная катастрофа, приведшая к распаду России и торжеству большевизма. На чуткую поэтическую организацию Л. Андреева эти колоссальные события произвели действие оздоровляющее: в нем очнулся и воспрянул настоящий, большой писатель, кровно связанный со своей родиной и нацией, чутьем и разумом постигающий правду вещей и весь ужас национального бедствия. В ряде блестящих статей — памфлетов на великую злобу исторического дня — он обнаружил великую силу призванного писателя-гражданина.⁴ И можно было надеяться, что раньше или позже, в публицисте-патриоте, в памфлетисте, борющемся с гидрой большевизма, очнется и воспрянет художник великий, призванный глубоко прочувствовать и проникновенно уразуметь новую правду вещей — «книгу бытия» новой великой России, оздоровляющую душу воскресающей нации...

И он погиб накануне славного поприща, на рубеже земли обетованной, — от разрыва сердца, под обстрелом большевистских пушек.

¹ Впервые о смерти Андреева в Одессе узнали из французских газет. См.: Сын отечества. 1919. 27 сент. С. 3.

² К сказанному во вступлении можно добавить сообщение Андреева в письме к Бурцеву от 9 сентября: «После написания сего письма, в ночь, был налет аэропланов: чувство довольно

сильное. В Ваммельсу, совсем близко от моего дома, сброшено три бомбы» (Андреев Л. Н. S. O. S. C. 332). Очевидно, что целились не в дом писателя. А он, как и летом, воспринимал боевые действия в качестве захватывающего зрелища («чувство довольно сильное»). Истинной причиной смерти, случившейся через три дня, стала сердечная недостаточность, стремительно нараставшая, как это зафиксировано в дневнике, в последние месяцы. Получив письмо, Бурцев истолковал его тенденциозно. Предложенную им версию подхватила французская и одесская антибольшевистская пресса.

³ См. прим. 18 к очерку Гроссмана «Встречи с Андреевым».

⁴ Андреев Л. Н. 1) S. O. S. // Андреев Л. Н. S O S. C. 337—348; 2) Держава Рериха // Там же. С. 349—354.

«СУДЬЯ СТРОГИЙ, НО ПРАВЕДНЫЙ»: СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ Д. МИРСКОГО В ЖУРНАЛЕ «THE SLAVONIC REVIEW» (1922—1929)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ О. А. КОРОСТЕЛЕВА
И М. В. ЕФИМОВА; ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО М. В. ЕФИМОВА)

К. В. Мочульский в 1925 году писал о Д. П. Святополк-Мирском: «...судья строгий, но праведный. Иногда его приговоры могут быть смягчены, но обжаловать их нельзя».¹

Имя «строгосудьи» не нуждается в представлении, но объяснений требует часто возникающая проблема с его написанием. Выдающийся историк литературы и литературный критик, князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890—1939) начал печататься еще до революции, но вписал свое имя в историю, оказавшись в Европе в 1920 году. Свои тексты в эмигрантских изданиях он, как правило, подписывал «кн. Д. Святополк-Мирский», а те, что предназначались для английских изданий — «Prince D. S. Mirsky» или же, без указания княжеского титула, — «D. S. Mirsky» (также он пользовался криптонимом «D. S. M.»). Как отмечает Джеральд Смит, крупнейший специалист по биографии и наследию критика, «в формальных обстоятельствах он недвусмысленно предпочитал именовать себя „D. S. Mirsky“».² Отметим, что по-русски подписи «Д. С. Мирский» в текстах Мирского мы не найдем.³ После приезда в СССР критик подписывал свои работы как «Д. Мирский», и лишь в посмертных советских публикациях 1970—1980 годов появилась форма «Д. П. Мирский», которой сам автор не употреблял. В англоязычном мире Мирского называют «Mirsky», в современных же российских публикациях более употребительна полная форма фамилии — «Святополк-Мирский», не исключая и англоязычной «Истории русской литературы», в оригинале подписанной «Prince D. S. Mirsky». Сам Мирский ни разу не высказался в печати (по-русски или по-английски) о своих предпочтениях в самоименовании. Своему происхождению он не придавал большого значения уже к середине двадцатых годов, а позже и вовсе был настроен, скорее, скептически. Достаточно вспомнить его высказывание 1931 года: «...не надо забывать, что накануне революции [1917 года] российский помещичий класс достиг такого состояния культурного упадка, что простой факт обладания некоторой интеллектуальной культурой „деклассировал“ тех, кто ею обладал, и отделял их от родного класса, неспособного иметь свою собственную ин-

¹ Мочульский К. Русская поэзия за границей в 1924 г. // Временник Общества друзей русской книги (Париж). 1925. № 1. С. 66.

² Smith G. S. D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890—1939. Oxford, 2000. P. XI.

³ Порой приходится встречать такое написание в современных публикациях, авторы которых то ли считают второй инициал отчеством, то ли делают автоматическую кальку с английского написания (для которого традиционным является инициал от родового имени); в любом случае такое написание кириллицей не может быть признано верным.